

Масух Елизавета Ильинична

Город Москва

Рег. № 2105

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

_____ школы _____

51718

Выход из

аул. 10:45-10:47

64+0-0

51718

Быть мивки, мивки и только
Мивки, и только до конца.

Б. Мастерная

Как известно, Довлатов - мастер анекдота в его литера-
турной прозе, умеет реальную жизнь "перекладывать" в
литературу, сам является героем своих последних произведений.
Кажется, что в основе рассказа "Мужья керосина" своеобразная
игра с читателем и самим собой; "перевертыши". Анализируя
данный рассказ мы не раз упоминаем это слово (перевертыши), по-
тому что Довлатов пытается заставить читателя, скрывать
наоборот и наша задача состоит в том, чтобы вскрыть
"перевертыши".

Очевидно, что за некоторыми героями (а, если быть точнее, то
за главными героями) скрываются реальные люди, современники
Довлатова. Можно сразу заметить, что за Левизки скрывает-
ся Набоков, за Р. Гаспарян - Штерн (которую, кстати, звали Брод-
ский), Липский и Брайн - это Бродский и Райн. Последнее соответ-
ствие вообще вызывает улыбку, как и многое в самом рассказе.

Довлатов много где смеется, например, надывая "Шар-реван", "Дар"
"Шар". "Шар-инверсия жизни", писал Довлатов. Думается это
высказывание очень подходит к этому рассказу, он сам своего
рода инверсия. Кажется, что собственно для анализа лучше абстра-
гироваться от прототипов и вспомнить о них позже, потому

что в начале это может повлиять на понимание рассказа.

✓ 9
✓ g
Сюжет Доблатовского текста понятен — встреча двух людей Левинского и Решки, их жизнь до встречи и то, что было после неё. Сразу „тёмный“, непонятный видится название — „жизнь короткая“, но-первых, оно звучит как какое-то заклинание-упреждение, во-вторых, эта фраза у рассказчика, которую главный герой произносит по-особенному: „Левинский вдруг перешёл на испан. На за его странно округлились“. Почему жизнь коротка, что делать, как жить, если она коротка? — задумывается внимательный читатель. Заглавие, конечно, главная записка всего рассказа, открыть её можно только проанализировав весь рассказ.

✦ Автор, Доблатов, выступает в роли рассказчика, единственно появляясь: „Кстати, одним из рецензентов был я“. Пользуясь словами самого Доблатова, рассказчик описывает, как живут люди. Но внимание привлекают две жизни — Левинского и Решки. Остановимся сначала на Левинском. Он прожил совсем некороткую жизнь — отмечает каждое десятилетие. Любопытно посмотреть, как его называют различные друг герои рассказа. Сам о себе он говорит, как о „русском писателе“; автор, явно с улыбкой, называет его „матро“; Зайцева-Реймольде „несносной малышкой“; Решка пишет какая-то учивой, „Иван Владимирович“. Машин образцы мы видим все возможные точки зрения, они очень разные, каждый как и сама биография Левинского. Интересно, что автор не ищет

но писателем, только Левинским, матро и „русско-американским прозаиком“. Писателем ^{Левинский} он называет себя сам, „но считали крупнейшими русскими писателями в эмиграции“, для Доблатова писатель, возможно, слишком сильное слово, писатель — это человек, который описывает то, ради чего стоит жить. А живёт ли ради чего-то Левинский? От всех его высказываний „всё“ чего-то бессильно, рассмотрим это внимательнее. Метасторы — „полюми мягкой таблеткой“, „банановой чужой полюми“, или небывальщина, но, по крайней мере, интереснее. Шутки старые, убитые: „Ты упокоится в моём забвении“*². Это своего рода дурновкусие, возможно, специально, это попытка „играть в жизнь“. Он преддумывает срачу для рипортёров, представляет убитые, на рошито ярше заповиси. Жизнь ли это? Вряд ли. Тем не менее Левинский знаменит, особенно своими выходками: „На порогах Хорасевича убил ценного Георгия Иванова“. Против, будем на краю мошлы“ (— это уже, не менее серьёзные замечания Доблатова). Доблатов подробно описывает мелкие детали жизни Левинского, анекдотичные подробности: „О его души с хиллком буравкино, усевшимся в подпитии на клавии рояля“. Однако в конце добавляет: „И так далее“. Жизнь была однообразна, мелочна, конечно, забавна для читателя, но в целом длинна и бесинтересна.³ У Левинского попытки жизни судения: „Гитлера Левинский не навидел“, „Всю жизнь не навидел какого-то, антикоммунистического и целозуру“*⁴.
Разве ж это жизнь? Это же нормально

не только шло
вз. +

Она высокомерна, горда (как всякий талантливый человек): „О ево
высокомерию ходили легенды. Так же, как и о ево недостижимости.“
Возрастает ощущение, что Левинскому нужно писать, она не
знает, чем писать, даже литература оказывается „протденным
этапом“, остается только слух, судьба, игра. Мриятельно, что
в финале рассказа главный герой предлагает: „Выраши в шуку!
Акушка, бедина, картошка, медальонка, ~~то~~ игра. Может и игра
книжка для всей расказу.“

Обратимся к второму численности - Решки Гаспарян. За-
бавно (возможно, это тоже игра), но шуми две - одна долая,
другая ильно короте, одна - мушкетер, другая - менцетер; одна - бот
шото писателя, другая - наминатоуея. В финале мы будем говорить
о противопоставлении жизни и литературы (любимые по-
татом соответствия). А Илья и Франция на удивление мало-
дешки, яркая, потиодекая аллимерация. Решка переводится как
царца (или королева), а в окуивается в коле, „это было дова-
но унцитально“, но об этих страных несоответствиях, которые
процощи при встрече - нуни. Шуми Решки Гаспарян в общен-
-то ~~обязана~~ обязна для девушки из благородной семьи. Импор
Решки также написана е тильно довлаившими забавными
фрагментами, шулками-прибаутками: „В нятидеятелю году следовател
Шув бил ево по орционалним альбамом репродукций Дега“.
Решка прошла путь от типичной советской школьницы до

эмигрантки. В России она была в некотором смысле даной
принимателем обедов, ~~ей~~ за ней „поменьше ухаживали“, но стихи
почему-то посвящают слова шашинге (вообще всё в рассказе,
на первый взгляд, довольно смешно). Моботьяно, что семья Гаспарян
подкармливает и выслушивает поэтов: „Здесь их подкармливали,
еи тавное - кареливо выслушивали“, но не емоис происодит
е Гаспарян у Левинского, еи подкармливают: „ей дали кооре е бу-
локками“, а потом мобуно выслушивали. Сама Решка в определён-
ном смысле пытается подкупить (подкормит) Левинского, покупая
жезуиар ево первой книги стихов. Мой уже заметили одно
такое шратенное соответствие (про подкармливание), таких в
наксте не мало. В самом начале Левинский трауносит орразу
на французском: „У рука еи выкала непрочитанная книга, потом
в финале бросает непрочитанную рукопись Решки. Одна из
шуток Левинского: „заходите после двух-лет через шесть...“ вдруг
обращивается неопоздатно направленно на Решку: „Мрашно
лет шесть. <...> И всё-таки Решка получила ево швейцарский адрес“,
при руда прои коре (в начале один Левинский, потом Решка,
а потом ~~он~~ спрашивает еи всё о том же кооре). Левинский не может
своею соеда за то, что тот „чересчур увлекался шулкой Венне-
ра“, а приудливом образом встрогается е Зайцевой-Рейнгодека
преьере „Тангейзера“ (опера Вагнера). Трудно как-то интерпрети-
ровать ~~т~~ эти совпадения. Тб ли они связаны с емои слова, стран-

1
25

+

1

попробовать

✓ игра пишью и катерадой, мелкими шутками, словом? Вот
 ✓ главные вопросы рассказа. Меньше чем ответить на них рас-
 сужает финальную эпизод рассказа. Левинский бросает в мусор
 свою первую книгу, и книгу Ремиза, прочёл делает это
 "морществуя". Это своего рода проклинание литературы,
 с одной стороны, с другой, своего прошлого, свои шумы(?). Кни-
 ги летят, "в шукую паникору", в безвестность, в забвение. За-
 чем это было сделано? ~~Почему~~ "Шумы коротка", почему не ста-
 вить её на литературу? Или сложна? Записки Левинского
 как быто написаны с удивительной иронией: "тёмное
 время лето" - трудно придумать более банальные эпитеты.
 "Они Шумы и смерть перестают иметь значение, потому
 что от записки Левинского ощущение пустых слов, много вер-
 ных, важно только, что шумь коротка."

(для рассказа)

Б. Машерная в романе ^{доказывает} пишет: "Талант - есть величайший
 дар шуми". (Странно получается, Машеров (Левинский), очевидно,
 талантливый писатель, но шуми в его шуми не чувствуется.
 Он играет, подмывает над самим собой, ^{над другими,} над своим прошлым,
 "проигрывает" шуми. В самом рассказе будто бы нет места
 таланту. Ремиза показывает свои рукописи Левинскому, которая бо-
 ружить свой талант, она величайшая орду: "Шумы долот,
 погода! Мерз вам - гермий". Она будто бы это шуми поётся
 найми талант (потому возникает, неотступная мысль о Левин-
 ским, умный, талант

кой"). Но Левинский оказывается странной, некого великим, про-
 ным господином, сказав на сказавший: "шумь коротка". Шумь ко-
 ротка, потому надо шумь, не делать шумь литературой, лите-
 ратура вечна, она остаётся в веках, а шумь коротка и её шуми
 по-настоящему прожить, а не играть в неё. Не делать шуми
 илюзия. Главной чертой, будучи талантливый писатель, не
 знает, что делать со своей шумью, играет в неё, как играет
 с читателем и Довлатов, шумит известными шутками. Прочув-
 длинную шумь, он утверждает, что она коротка. Довлатов отчасти
 морит с Машерной, писатель иногда оказывается (таже все)
 в большей мере писателем, чем человеком, литература (таже все)
 больше шуми, не стоит их по литературе. *11

*1 Шумь в Швейцарии в гостинице, коллекционирует бабочки,
 русско-американский прозаик. Левинский, конечно, переживает
 с Машеровым, эта некоторая параллель, которую Довлатов проводит,
 Шумь направь с читателем, но при этом не все эмоциональные
 подробности соблюдены точно, но это и не важно.

*2 - Машерный, море.
 - Какой талант?
 - Кривичай, наверное, и многие другие.
 *3 Здесь мы говорим именно о шуми, не о тех литературных
 произведениях, которые создаёт Левинский.
 *4 Сталина он удивительно называет "знаменитый горе". Сетка

1 / преукрашивает пьесу, говоря в интервью: „Они (стакан) забавит. Это были эскизы моих не последующих романов. Их не существует". А потом узнаёт, что книга существует, а значит, наверное, именно оно было для красивого слова, прямо так „улыбнуть" зрителя.

26 / Вообще, как вы знаете, Левинский ведёт себя будто на сцене, но пьесу не театр, но доблестно не в пьесе, *5 Решина привезёт ~~это~~ Левинскому а в исполнении стихи, не слушайте и шя так мессиджко.

25 / * В обмен за ранние стихи, получить опыты. *4 Разговор продуман, поэтому отчасти пустоват //

*8 Не считая автора, который, помяткое шив //

*9 Можно сказать, что кандрит, от незнания, что делать со своей пьесой, пока они не станут литературой.

*10 Надсмехаясь и над этим, казалось бы не проверившим пьесой, Левинский просит литературу (книгу „Пробуждение“)

*11 В рассказе нет будущего, в нём только четверть пьесы и впереди, периметры будто нет, как нет её в пьесе у Левинского, поэтому они играют в карты. Что делать с пьесой, если она бессмысленна? - хануть. Талант оказывается не даром, а бремя. Пьеса превращается в шутку, и потому, да талант в пьесе превращается дурновкусием, в литературе остаётся талантом. В чём-то, конечно, Работов Талант пьесы ^(быть) и талант творить-равные, не стоит их подменять. И в пьесе нужно шив,

мисал как говорил А. Тарковский: „Шивите в душе и не рухнет дом". Добкатоу удаётся удивительный „перевёртыш", отныне все рассказы зашифрует длинные пьесомыслия, которые на самом деле короткие, ни Левинский, ни Решина не пропали свои пьесы, пьеса и пьесомыслия маленькие, Левинский находит вытает выходяем только плоский колор, прикрывающий талант, и делаящий ~~какая~~ шутку, ~~прямо~~ в пьесе. Думается, что Добкатов с таким мнением не очень согласен, он за шутку интер-турную.

*Ср / М. И. Сурин
Робб (Робб)*

- 1 В работе много ошибок и недочетов
  - 2 Команда отлежала критерии
  - 3 Термины почти и использованы не все
  - 4 Много рецензий и пьесоведческих ошибок
- 25 + 10 + 10 + 10 + 10 = 65
20 10 4